

РУССКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЗООМОРФНЫМИ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Исследуются механизмы метафоризации русских и итальянских энтомонимов в сравнении с зооморфной лексикой соответствующих языков, выявляются их отличительные особенности. Две сопоставительные линии определяют полученные результаты: с одной стороны, устанавливается соотношение между метафорическими полями зооморфизмов и энтоморфизмов, определяются характеристики, которые выражаются именно через энтомологические метафоры, и выявляется функциональная специфика энтомологических метафор в интерпретации действительности говорящими. С другой стороны, сопоставление с итальянским языком позволяет выявить основные составляющие данного фрагмента метафорической картины мира в русском языке.

Ключевые слова: энтомологические метафоры; зооморфизмы; итальянский язык; языковая картина мира; метафорическая картина мира; сопоставительная лингвистика.

Зоонимы, включающие и энтомологическую лексику, имеют ярко выраженную тенденцию к развитию переносных коннотативных значений, отражают стереотипы поведения, становятся символами тех или иных свойств / качеств человека, поэтому ученые неоднократно обращались к исследованию зооморфизмов. Так, зооморфную метафору в различных аспектах, в том числе и сопоставительном (русский, французский, английский языки), в 60–70-е гг. XX в. исследовали М.И. Черемисина, Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, О.А. Рыжкина, Л.В. Войтик и др. [1–9]. В этих работах заложены основы современного лингвокультурологического подхода в изучении метафоры. О.А. Корнилов в работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» исследовал специфику национальных картин мира, привлекая в качестве иллюстративного материала энтомологическую терминологию русского, испанского, китайского и других языков.

Метафора, как известно, играет основополагающую роль в изучении языкового менталитета. Если раньше метафора традиционно рассматривалась как стилистический троп или механизм развития полисемии в языковой системе, то в современной науке она исследуется в первую очередь как когнитивный инструмент, способный отражать образное освоение действительности и выявлять национальную специфику метафорической картины мира [10–12].

Кроме того, в современных сопоставительных исследованиях постепенно увеличивается количество привлекаемых языков. В последнее время появились сопоставительные работы, посвященные русским и итальянским зооморфизмам, в которых рассматриваются механизмы метафоризации и особенности интерпретации действительности с помощью зооморфной метафоры [13–15]. Изучение русских зооморфизмов на фоне других языков позволяет выявить в этом фрагменте словаря новые специфические черты русского метафорообразования.

Место тематической группы (ТГ) энтомонимов в общей языковой картине мира (ЯКМ) определил О.А. Корнилов, используя идеографическую классификацию словаря В.В. Морковкина. Корнилов отмечает, что в словаре рубрика «Животный мир» разделена на девять групп, внутри одной из которых («ВИДЫ ЖИВОТНЫХ») энтомонимы представлены

отдельно. При этом он составил цепочку, которая определяет место ТГ энтомонимов в общей ЯКМ: материальный мир → органический мир → животный мир → виды животных → названия насекомых [16. С. 30–31].

Подчеркнем: ТГ энтомонимов почти всегда анализируется в составе зооморфной лексики, не будучи выделенной в отдельную парадигму. Это доказывает, что между данными лексическими парадигмами существует связь – включение, а следовательно, границы между полями проницаемы.

Важно отметить, что термин *энтомоним* в настоящей работе используется для терминологического наименования объекта реальности – того или иного насекомого; анализируя же систему переносных значений, присущих энтомологической лексике, мы, по аналогии с терминологической парой *зооним* – *зооморфизм*, употребляем термин *энтоморфизм* для метафорической характеристики человека. Отметим, однако, что под **энтоморфизмами** мы понимаем не только наименования насекомых в переносном значении, но и метафоры, образующиеся от всех единиц метафорического поля (МП) и выраженные разными частями речи.

Цель статьи – установить соотношение между метафорическими полями зооморфизмов и энтоморфизмов, определить характеристики, которые выражаются именно через энтомологические метафоры, выявить их функциональную специфику в интерпретации действительности говорящими.

В ходе исследования мы используем методы дефиниционного, компонентного, контекстуального, когнитивного анализа, метод полевого структурирования и моделирования, а также привлекаем сопоставительные методики анализа лексических систем разных языков. Данные, полученные в результате проведенного семасиологического и дискурсивного анализа, интерпретируются в когнитивном ключе.

Итак, бывают случаи, когда метафора, семантически связанная с энтомонимом, и метафора, образованная от зоонимов, реализуют тождественное или близкое значение. Ср., например, выражение *cervello di formica* (муравьиные мозги) – «о человеке, не отличающемся умом» [17] и русский фразеологизм *куриные мозги*, где используются зооморфизм *курица*.

В русском языке фразеологизм *белая ворона* – «о том, кто резко отличается от других, не похож на

окружающих» [18. С. 97] семантически соотносим с итальянским фразеологизмом *mosca bianca* (белая муха) – «о человеке, который выделяется среди людей вообще или среди определенной группы людей» [19]. Попутно заметим: русский фразеологизм *белые мухи* связан с другой семантикой – «о снежных хлопьях».

Стрекотание цикады в итальянском языке порождает метафору «говорить много о чем-то незначительном, поверхностном, сплетничать». Пребывая в русском языке практически нерелевантной для данной ТГ, в итальянском языке эта метафора, напротив, очень продуктивна, о чем свидетельствует ряд дериватов, образованных от номинации *cicala* (цикада) и обладающих метафорическими значениями: *cicalaio* (группа людей, которые непрерывно, беспрестанно болтают), *cicalamento* (шум / гул голосов), *cicalare* (говорить долго о чем-то пустом, легкомысленном), *cicalata* (длинная легкомысленная, пустая речь на бесполезные темы), *cicalatore* (неутомимый болтун), *cicaleccio* (продолжительная болтовня, несодержательная беседа большого количества людей), *cicaleggio* (спутанная, смешанная, непрерывная речь многих людей), *cicalio* (шум, гул голосов), *cicalone* (шутл. болтун, пустомеля, сплетник), *cicalume* (шум / гул голосов) [17]. Продуктивность данной метафоры в итальянском языке объясняется национально-культурным компонентом. Здесь очевидна связь с басней Эзопа, которая трансформировалась у более поздних авторов, таких как Лафонтен (*la cigale* – *цикада*, *кузнечик*), И.И. Хемницер, А.П. Сумароков, И.А. Крылов (*стрекоза*). В итоге трансформации басен в итальянской традиции закрепился образ *cicala* (цикада), а в русской же – *стрекозы*.

В русском языке лексема *цикада* не метафоризируется, при этом семантика «болтливый человек» не является семантической и лексической лакуной: для метафорического переосмысления образа болтуна носители русского языка обращаются и к сфере зоонимов (*сорока*), и к предметной сфере (*трещотка*, *мельница*, *ботало* и др.). Это свидетельствует о большей значимости энтомологических метафор для итальянской ЯКМ.

В итальянском языке существует несколько метафорических номинаций для обозначения навязчивого ухажера: *calabrone* – 1) шершень, 2) настырный ухажер; *moscone* – 1) большая муха, 2) волокита, ухажер; *ronzone* – 1) шершень, жук, 2) ухажер; *farfallone* – 1) большой мотылек, 2) донжуан, жуир. Так, например, в тексте знаменитой арии из оперы В.А. Моцарта «Женитьба Фигаро» в итальянском оригинале донжуанское поведение персонажа выражается с помощью метафоры *farfallone*: *non piu' andrai farfallone amoroso, notte e giorno d'intorno girando, delle belle turbando il riposo* (впредь ты не будешь порхать, как влюбленный мотылек, тревожа сон красавиц). В русском художественном переводе либретто итальянская метафора «влюбленный мотылек» переведена описательными выражениями: «мальчик резвый, кудрявый, влюбленный».

В русском языке также есть метафоры, характеризующие поведение мужчины по отношению к противоположному полу, но они принадлежат к ТГ зоонимов. Ср: *кот*: «перен. О похотливом, сластолюбивом мужчине (прост. пренебр.)» [18. С. 300]; *кобель*:

«перен. О человеке с грубо чувственным отношением к женщине (вульг., бран.)» [20]; *жеребец*: «(разг.-сниж.) Мужчина, слишком откровенно проявляющий свои физиологические наклонности» [21].

Следует заметить, тем не менее, что в итальянских метафорах, характеризующих донжуанское поведение мужчины по отношению к женщине, доминантными признаками являются «настырный», «утомительный», «надоедливый». Это типичные признаки насекомых, названия которых развивают метафорическое значение. Действительно, метафорические значения названий итальянских насекомых *calabrone* (шершень), *moscone* (большая муха) и *ronzone* (общее название жужжащих насекомых) не просто «ухажер», но «настойчивый, назойливый ухажер». В русском же языке метафоры, выраженные зоонимами *кобель*, *кот* и *жеребец*, более вульгарны, грубы и подчеркивают неумеренную сексуальную активность мужчины.

Иногда близкие, но не тождественные метафорические смыслы могут быть выражены при помощи как зоонима, так и энтонима: ср., например, *работать как лошадь*, *как вол*, *ишачить* и *трудиться как пчелка*. Все метафоры выражают идею трудолюбия, характеризуют человека, который много работает. Однако метафоры, производные от зоонимов, обладают, скорее, отрицательными коннотациями («тот, кто трудится много и напряженно», «выполняя работу за других», «безрезультатно»), а вторая метафора, энтомологическая, обладает позитивными шутливыми коннотациями («кропотливо, старательно»).

Трудолюбие в русской и итальянской ЯКМ ассоциируется с такими насекомыми, как *пчела* (*ape*) и *муравей* (*formica*). Причем они часто противопоставляются *трутню* и *стрекозе* в русском языке и *цикаде* (*cicala*) в итальянском, что объясняется, как мы уже отметили раньше, влиянием прецедентного текста, известной басни И.А. Крылова, заимствовавшего сюжет древнегреческой басни Эзопа. Так, например, в следующем контексте обнаруживается комплексная характеристика, включающая и внешний вид героя (как *стиляга*), и оценку его деятельности (противопоставлен *земледельцу*): – *Какой же ты земледelec – ходишь, как московский стильяга! Должен быть муравей, а ты стрекоза! Ты ж так чахотку тут схватишь!* (В. Дудинцев. Белые одежды) [22].

В номинации *пчелка* прочитываются положительные коннотации, например: *Но время – полдень, Боря дома не засиживается, он с самого утра спешит, жужжа, как пчелка, на собрания, переговоры, встречи, сборища* (А. Дмитриев. Призрак театра // Знамя. 2003); *В Ташкенте о Владыке пеклись две женщины: Полина, простая женщина, беззаветно любившая Владыку, и инокия Екатерина, женщина себе на уме, трудившаяся и жгущая, как пчелка* (В. Тимаков. Высокопресвященный Кирилл, архиепископ Пензенский и Саранский // Альфа и Омега. 2000–2001) [22]. Однако трудолюбие не всегда оценивается положительно носителями языка, смена оценки с положительной на отрицательную происходит там, где речь идет об отсутствии меры и трудоголизме: *А у Коли обязательно и просто, и неожиданно: «Целые*

дни я как лошадь какая-нибудь или муравей работаю...» (В. Смехов. Театр моей памяти) [22].

Основой метафорического переосмысления является образ *муравья*, который тащит на себе соломины больше, чем он сам. Таким образом ассоциативно разворачивается сема 'тащить тяжести', затем → 'копошиться' → 'трудиться' → 'трудиться усердно'. Доминантными характеристиками для восприятия образа *муравья* и проекции их на человека являются признаки «трудолюбие» и «выносливость». Эти характеристики приобрели образный смысл: *муравей* в русской ментальности – символ трудолюбия и усердия. Об этом пишет и О.А. Корнилов [16. С. 84]. Однако стоит уточнить, что оценка не всегда бывает положительной: образ работника-муравья несет на себе дополнительные смыслы, которые объясняют негативные коннотации: заниматься чем-то мелким, незначительным, ничтожным (*муравьиные усилия*); ничего не видеть, кроме этого мелкого «копошения». Как отмечают Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская, в русском языке понятие труда и трудолюбия являются аксиологически противоречивыми. В таких метафорах семантика полезности, разумности утрачивается, при этом актуальными становятся семы бессмысленного упорства, непомерных усилий [15. С. 266].

В итальянском языке *formica* (*муравей*) противопоставляется *cicala* (*цикада*) – расточительному человеку, который растрчивает, расточает свое состояние (*fare come la cicala* – проявлять легкомыслие). Здесь очевидна культурная мотивация метафоры.

Объединяя выявленные нами лексические единицы в МП, мы используем данную лексическую парадигму как инструмент для описания процессов семантической и семантико-словообразовательной деривации. Моделирование МП – это попытка описать многообразные метафорические явления в их соотношении. Под МП мы вслед за Е.И. Баранцевой понимаем «вторичную лексическую парадигму, включающую переносные метафорические ЛСВ, которые связаны сходной производящей основой (в нашем случае – номинации энтомонимов), единым механизмом семантической деривации и общностью метафорообразующих признаков» [23. С. 81].

МП является разновидностью семантического поля (СП), обладая при этом определенной спецификой, в соответствии с которой известные критерии выделения центра и периферии СП следует уточнить.

СП обычно выделяется на основании более простой семантики единиц ядра и ее усложнения к периферии, с учетом частотности слова в речи. Однако в результате развития теории функционально-семантического поля и исследований А.В. Бондарко некоторые лингвисты пытаются расширить основные критерии и для СП. Так, предпринимаются попытки учесть специфику частеречной принадлежности единиц поля: «В зависимости от природы исходной единицы, лежащей в основе поля и определяющей семантическую и словообразовательную деривацию его элементов, выделяются типы полей: предметные, признаковые, процессуальные» [24. С. 459].

Разнородный лексический материал требует, как нам представляется, учета различных параметров в их

соотнесении. Описывая МП энтомологической лексики, мы исходили из комплекса критериев: семантического, морфологического, а также частотности и актуальности единиц в речи.

Проведенный анализ показал, что энтомологические метафоры располагаются на периферии русского МП зооморфизмов. Это подтверждается тем, что зоонимы в русском языке обладают высоким словообразовательным потенциалом, о чем свидетельствует большое число глагольных дериватов, образованных от наименований животных и обладающих переносными значениями (*бычиться, воронить, гадить, ежиться, ершиться, ехидничать, ишачить, лисить, мышить, петушиться, попугайничать, крыситься, жеребячиться, козлить, обзьянничать, ослить, свинячить, хамелеонствовать, собачиться, телиться* и т.д.). Напротив, единицы русской ТГ энтомонимов противостоят такой тенденции и не вовлекаются в аналогичный процесс. Сопоставление с итальянским языком помогает выявить периферийную позицию энтоморфизмов в русском МП. Действительно, в итальянском языке большая часть номинаций насекомых порождает глагольные дериваты с метафорическим значением. Энтомологические глаголы демонстрируют различия в процессах семантической и словообразовательной деривации в двух исследуемых языках.

В качестве пояснения приведем следующий пример. Два итальянских глагола, *cicalare* и *cicalecciare*, являются словообразовательными дериватами энтомонима *cicala* (цикада). Их переносное значение («быстро, непрерывно говорить о чем-то незначительном, сплетничать») обозначено в словарях как первое значение: *cicalare* – «непрерывно болтать о пустяках, малозначительных вещах» [25. С. 469]; и *cicalecciare* – «болтать, сплетничать: *пьем чай, болтаем немного*» [Там же]. Метафорическое значение итальянских глаголов в данном случае образуется от переносного значения, уже присущего наименованию *cicala* – цикада, от которого они произведены: *cicala* – насекомое → болтун; → *cicalare* / *cicalecciare* – болтать. Важно также отметить, что в итальянском языке для обозначения звука, издаваемого стрекодами насекомыми, существуют более конкретизированные глаголы *frinire* – стрекотать, *stridere* – трещать и *stridulare* – верещать, которые не обладают переносными значениями. В итальянском языке энтомоним *цикада* (*cicala*) стрекочет (*frinisce* / *stride* / *stridula*), а не *«цикадит» (*cicala* / *cicaleccia*). Глаголы *cicalare* и *cicalecciare* (*«цикадить» – стрекотать со значением болтать, сплетничать) возникли именно как метафора. То же происходит с глаголом *bofonchiare*: для обозначения звука, издаваемого шершнем, в итальянском языке существует глагол *ronzare* (жужжать), т.е. энтомоним *шершень* жужжит (*ronza*), не *«шершнит» (*bofonchia*). Глагол же *bofonchiare* (*«шершнить» со значением «ворчать») также был порожден изначально как метафора. В итальянском языке ситуация, когда метафора обладает живой внутренней формой, характерна в целом для группы «энтомологических» глаголов: от *assillo* (овод) – *assillare* (мучить), от *pecchia* (региональный вариант наименования пчелы) – *pecchiare* (сосать, жадно пить), от *saltabacca*

(саранча) – *saltabeccare* (передвигаться вприпрыжку / «прыгать» от одного суждения к другому без логической связи) и др. В русском же языке эта словообразовательная модель реализуется в глаголах с переносным метафорическим значением, образованных не от энтонимов, а от зоонимов, таких, например, как: *петушиться, ершиться, зайчиться, попугайничать, обезьянничать, звереть* и т.д. Благодаря сопоставительному анализу становится понятно, что и в русском языке от энтонимов потенциально могли бы образовываться глагольные дериваты с переносным значением, однако носители русского языка не обращаются к данной ТГ для повторного переосмысления. Поскольку энтоморфизмы являются частью метафорического поля зооморфизмов, следовало бы ожидать, что и единицы ТГ энтонимов будут регулярно образовывать словообразовательные метафоры (ср. *осел* → ослиное упрямство; *лиса* → лисья хитрость). Для энтонимов такие дериваты с метафорической семантикой также потенциально возможны. Метафоры-прилагательные (*муравьиное старание, осиная талия, блошинный рынок* и т.д.) и метафоры-существительные (*клоповник, муравейник, жучок* и т.д.) действительно существуют, однако подобных примеров мало. Их нерегулярность и малая частотность выявляются как значимая характеристика деривационных процессов данной ТГ в русском языке только в сопоставлении с итальянским языком, который показывает, что словообразовательные метафоры от единиц данной ТГ могут образовываться регулярно и продуктивно.

В итальянском языке, в отличие от русского, процесс словообразовательной деривации очень продуктивен: имеется значительное число дериватов, обладающих переносным значением. В качестве примера приведем одно из самых продуктивных итальянских словообразовательных метафорических гнезд: *formica* (муравей) – *formicaio* (муравейник), *formicamento* (группа людей в движении), *formicare* (кишеть), *formichesco* (маленький), *formichina* (очень бережливый человек), *formicolame* (кишение), *formicolamento* (онемение конечностей), *formicolante* (кишащий), *formicolare* (неметь), *formicolio* (онемение), *formicolite* (движение толпы), *informicolamento* (онемение), *informicolarsi* (терять чувствительность), *sformicolirsi* (вновь приобретать гибкость, подвижность) [17].

Как показывают результаты проведенного анализа, наибольшая разница между двумя языковыми картинами мира заключается в том, насколько регулярно и последовательно языки уподобляют или сопоставляют человека с насекомым. Исследование подтверждает, что для итальянского языка характерна четкая и стабильная тенденция к увеличению количества энтомологических метафор и продуктивности синонимических рядов. Эта тенденция не наблюдается у слов данной ТГ в русском словаре, что объясняется географическими, климатическими и культурными особенностями двух стран: в средиземноморском климате насекомые активны гораздо более длительный период времени и более заметно «вмешиваются» в человеческую жизнь. Такое тесное соседство находит отражение в высокой степени востребованности эн-

тонимов в образной интерпретации окружающей действительности. Подчеркнем, что одна и та же семантика обретает метафорическое воплощение с помощью энтомологических метафор в итальянском и с помощью зооморфных – в русском языке (*cicala* (цикада) = *сорока*, *mosca* (муха) = (*ворона*) и т.д.).

Однако подсистема энтомологических метафор в исследуемых языках не только дополняет и уточняет систему зооморфизмов, но и отличается уникальными метафорическими значениями, характерными только для энтонимов. Энтомологические метафоры, являясь составной частью зооморфной лексики, подчиняются общим тенденциям метафорообразования этого фрагмента словаря, но энтоморфизмы имеют и свою функционально-семантическую специфику.

1. Активные процессы семантической деривации имеют двунаправленный характер (наименование насекомого ↔ наименование человека).

Г.Н. Складневская, анализируя метафору как систематический лингвистический феномен, выделяет шесть глобальных семантических сфер, которые вовлекаются в процесс метафоризации и как его источник, и как результат и включают все объекты действительности. К одной из таких сфер относится сфера «Животное». Как отмечает исследователь, «метафорические переносы в языке подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой <...> метафорический перенос совершается в определенных направлениях в достаточно жесткой последовательности» [26. С. 80]. Одно из них, по мнению Г.Н. Складневской, – это направление «Животное → Человек», т.е. перенос типичных характеристик животного на человека. Поскольку ТГ энтонимов находится в гипогиперонимических отношениях с ТГ зоонимов, процесс метафоризации идет по направлению «Насекомое → Человек», на основе которого выявляется концептуальная метафора «Люди – Насекомые».

Иной тип семантической деривации отличается направлением метафоризации и характеризуется обратным расположением лексико-семантических вариантов в структуре полисеманта – наименования насекомого. В том случае, если значение «насекомое» является производным и образуется по аналогии с внешним видом или поведением человека, перед нами направление «Человек → Насекомое», в основе которого лежит концептуальная метафора «Насекомые – Люди».

Обратимся к некоторым примерам в русском языке.

Богомол – «1. Человек, приверженный к молитвам, богослужениям. 2. Крупное южное насекомое с передними ногами, хорошо приспособленными для хватания пищи. *Б. обыкновенный* (вид)» [18. С. 53].

Могильщик – «1. Рабочий, занимающийся рытьем могил. 2. О том, кто несет гибель кому-, чему-л., уничтожает кого-, что-л. *М. культуры. М. молодых талантов*. 3. Жук сем. мертвоедов, питающийся падалью. *Черные могильщики*» [27. Т. 2. С. 285].

Усач – «1. Человек с большими усами (разг.). «*С виду усач и рубака, а на деле низкопоклонник и льстец*» А.Тургенев. «*Седые гусары встанут, встанут усачи-кирасиры*» Жуковский. 2. Рыба, то же, что мирон (зоол.). 3. Жук, то же, что дровосек (зоол.)» [20].

Дровосек – «1. Лесоруб; тот, кто занимается рубкой леса (устар.); 2. Жук с длинными усиками вредитель леса, грызущий кору и древесину» [18. С. 180].

В данных примерах первичным является значение «человек по роду деятельности или обладающий определенными отличительными признаками», а метафорическое энтомологическое значение производно.

Направление переноса «Человек → Насекомое» реализуется также в итальянском языке, однако реже: *necroforo* (жук-могильщик) – «1. Тот, кто перевозит мертвых, могильщик. 2. Жук семейства могильщиков» [17].

2. Другой отличительной характеристикой ТГ энтомонимов является значительное число метафор, описывающих предметы (*гусеница* – замкнутая сплошная металлическая лента или цепь, состоящая из отдельных звеньев, служащая вместо колес у тракторов, танков, самоходных кранов и т.д. *Гусеницы трактора* [27. Т. 1. С. 358]).

Энтомонимы активно образуют «предметные» метафоры (в отличие от других групп зоонимов), в которых компонент «образность» нейтрализует отрицательные ассоциации, связанные с тем или иным насекомым. По классификации Г.Н. Складневской [26], направление «Животное → Предмет» находится среди нерегулярных типов переноса. Действительно, в области зоонимов можно назвать лишь несколько метафор (ср., например: *конь* – спортивный снаряд; *ерш* – смесь спиртных напитков и др.). В рассматриваемой нами тематической группе, напротив, направление переноса «Насекомое → Предмет» должно быть рассмотрено как регулярное и релевантное в обоих языках.

Предметные метафоры, образованные от ТГ энтомонимов, свидетельствуют о постоянной потребности говорящих образно интерпретировать действительность: особенно это касается названий машин, торговых марок и пр. (название, являясь образным и метафоричным, легко запоминается; таким образом, его легко использовать в рекламных целях), где доминируют номинативные (стертые) метафоры. Во многих случаях сохраняется отголосок внутренней формы: мы понимаем, почему вертолет называется *стрекозой*, а фонарик – *светлячком*. Есть все-таки случаи, когда сложнее понять основание для образования метафоры. Например: *медведка* – «1. Насекомое отряда прямокрылых, с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных растений. 2. Приспособление, состоящее из системы зубчатых колес для подъема тяжестей. 3. Двухручный строгальный инструмент. 4. Обрубок толстого дерева, вкапываемый в землю на берегу сплавной реки для укрепления запани» [27. Т. 2. С. 242]. Носители русского языка плохо представляют себе это насекомое.

В процессе образования предметных метафор используются главным образом следующие признаки.

• «Внешний вид насекомого» (очертания, размер).

Ср.: *pulce* (*блоха*) – «1. Мелкое кровососущее насекомое. 2. Подслушивающее устройство» [25. С. 2078].

Данной метафоре в русском языке соответствует метафора *жушок*: – *Прежде всего установи жушок в*

телефон и еще один куда-нибудь, в укромное местечко, а потом займись компьютерами (З. Юрьев. *Смертельное бессмертие* // Наука и жизнь. 2007) [22].

• «Звук, издаваемый насекомыми».

Ср.: *шмель* (*bombo*) в русском языке имеет значение «марка пылесоса», в итальянском – «громоухание, глухой шум».

Переферийными признаками являются «движение», «биологический вид» и т.п. Актуализация данных признаков ведет к образованию метафорических переносных значений по модели радиального типа (*жук* – украшение, вентилятор, машина).

Рассмотренные предметные метафоры в сопоставлении с антропоморфными в меньшей степени характеризуются наличием в лексическом значении оценочных коннотаций. Однако в них оказывается вполне актуальным компонент образности, так как не все предметные метафоры являются стертыми (*vespa* – оса – «торговая марка мотороллера, издающего звук, похожий на жужжание осы» [25. С. 2918] и др.). Вероятно, подобные дериваты можно объяснить тем, что при образовании предметных метафор и абстрактных понятий человек как оценивающий субъект занимает более отстраненную позицию, нежели при оценке себя самого и окружающих людей.

Система метафорических значений антропологических энтомонимов имеет большее количество смысловых пересечений, а метафорические наименования различных артефактов существенно различаются в двух языках. Это объясняется тем, что предметные энтомологические метафоры являются более поздними образованиями (иной образ жизни, разные модели механизмов, технические новинки, которые есть в одной стране и которых нет в другой). Кроме того, у носителя языка нет необходимости выражать ценностное суждение и связанные с ним эмоции, поэтому на первый план выходит образное осмысление предмета.

Артефактные метафоры, образованные от ТГ энтомонимов, не только дают имя каким-либо новым объектам: инструментам, приборам, средствам передвижения (*букашка*, *жук*, *стрекоза*, *vespa*, *ape* – пчела; трехколесный грузовой автомобиль, *maggiolino* – майский жук; «фольксваген»), – но и образно интерпретируют предметный мир, связывая далекие, казалось бы, тематические области в картине мира говорящих.

3. Третьей отличительной особенностью энтоморфизмов является то, что изначально они предназначены для характеристики маленького, мелкого, незначительного (в отличие от характеристик *слон*, *медведь*, *бегемот* и др.), а семантика «маленький» в метафорической системе разных языков модифицируется в значение «ничтожный, мелкий, подлый» и пр. Стоит заметить, что применительно к детям семантика «маленький» в исследуемых языках не развивает отрицательных значений.

Так, фразеологизмы *из мухи делать слона* – *fare di una mosca un elefante* явственно свидетельствуют, с одной стороны, о тесной связи между ТГ зоонимов и ТГ энтомонимов, с другой – указывает на противопоставление двух полярных характеристик (маленький и

большой размер), где характеристика *mosca* (маленький размер) является доминирующей для ТГ энтомонимов.

В наивной картине мира ТГ энтомонимов как составляющей ТГ зоонимов часто приписывают характеристику «маленького размера», что можно продемонстрировать следующими примерами из художественных текстов.

«Это очень интересно – / Поглядеть на муравья, / Это очень интересно – / Как живет его семья? / Не легко живется ей, / Потому что меньше кошки, / Меньше мухи, меньше мошки, / Всех он меньше, муравей!» [28].

Обратимся к тексту итальянской сказки Дж. Родари («Книга ошибок»): *«Однажды большая муха услышала о маленьком бегемоте и решила: “Он маленький, а я большая. Я его поймаю и заставлю мне служить. Я произведу фурор! Так и вижу, как буду гулять в сопровождении своего нового секретаря! Все будут мне завидовать, все меня уважают! Став владельцем бегемота, я высоко поднимусь по социальной лестнице. Личный бегемот даже ценнее рыцарского титула”*. С этими честолюбивыми мыслями она отправилась на поиски жертвы. И очень удивилась (и обиделась), что маленький бегемот оказался все же несколько больше большой мухи» [29. С. 128]. Очевидно, что путаница произошла из-за «мухоцентричной» точки зрения. Муха не принимает во внимание, что понятия «маленький» и «большой» могут интерпретироваться согласно шкале ценностей другого существа или в результате сравнения с другими существами той же категории (муха большая по сравнению с другими мухами, гиппопотам маленький по сравнению с другими гиппопотами). Таким образом, какой бы большой муха ни была по сравнению с другими мухами, она все равно будет маленькой по сравнению с другими животными.

Стоит отметить, что если в наивной картине мира исследуемых языков маленький размер обычно ассоциируется с чем-то положительным и наделяется соответствующей оценкой (*ножка, ручка, домик, солнышко vs ножища, ручища, носище* и др.), то энтомологические метафоры в данных языках противоречат такой тенденции. От характеристики «маленький размер насекомого» образуется значительное количество метафор, выступающих как средство негативной оценки человека. На наш взгляд, это наблюдение можно соотнести с теорией ориентационных метафор, о которых пишут в своей работе Дж. Лакофф и М. Джонсон [30]. Ориентационные метафоры организуют систему представлений и концептов в терминах пространственной ориентации. Такие типы пространственных отношений базируются на представлениях о строении тела, о его расположении и функционировании в окружающей среде. Подобное представление не является бесспорным, так как его основания кроются в нашем физиологическом и культурном опыте. Это ведет к тому, что ориентационные концепты актуализируются во множестве речевых оборотов.

Так, метафоры ВЕРХ – НИЗ в русском и итальянском языках организуют серию метафорических концептов, основанных на физическом опыте человека.

У Дж. Лакоффа и М. Джонсона *пространственная* характеристика «низ» ассоциируется с отрицательными качествами и связывается с характеристикой «низости» человека или его поступков.

На основе нашего материала выявляется следующая универсалия: *физическая* величина «маленький размер насекомого» ассоциируется с негативными внутренними качествами человека (повторим: за исключением случаев, когда объектом характеристики являются дети). Эта универсалия характерна и для других европейских языков: ср. во французском: *punaise* – 1. Клоп. 2. Шлюха; дрянь, тварь. 3. Кнопка (канцелярская) [21]; *puceron* – 1. Травяная вошь, тля. 2. Малышка, букашка, клоп [Там же]; *moucheron* – 1. Мошка, мошкара. 2. Мальчишка, мальчуган. 3. Козывка [Там же]. В английском языке: *midge* – 1. Мошка. 2. Карлик, лилипут, «клоп» (о маленьком человеке) [Там же]; *louse* – 1. Вошь. 2. Презренный, неприятный человек [Там же]. В немецком: *Wanze* – 1. Клоп. 2. Отвратительный, неполноценный, омерзительный тип [Там же]; *Wurm* – 1. Червь; 2. Маленький ребенок; 3. Ничтожный человек [Там же].

Как видим, энтомологические метафоры реализуют языковую универсалию: «маленький размер насекомого – негативные качества человека».

Все выявленные метафоры, образованные от энтомонимов, рассматриваются как МП, которое формируется благодаря процессам семантической и словообразовательной деривации в их взаимодействии.

В ядре метафорического поля располагаются антропоморфные метафоры первой ступени семантической деривации, ближе к периферии располагаются метафорические единицы, в которых происходят «нарастание» семантических признаков и усложнение семантики: это словообразовательные дериваты с метафорическим значением и предметные метафоры.

Как в любом семантическом поле, центр метафорического поля образуют наиболее простые по семантике единицы (антропоморфные метафоры первой ступени семантической деривации), которые продолжают развиваться и порождают *словообразовательные дериваты с образной семантикой*. Так, моделируемое нами МП является по ядру субстантивным, его структура определяется процессами семантической и словообразовательной деривации. В сторону периферии поля смещаются производные второй ступени деривации, характеризующиеся словообразовательной и семантической производностью, в которых происходит усложнение метафорической семантики при помощи словообразовательных аффиксов (*клоповник, жучок, moscone* – большая муха и т.д.), и предметные метафоры-существительные (*светлячок* – карманный фонарик, *жучок* – подслушивающее или другое секретное устройство, *vespa* – торговая марка мотороллера). Такие метафоры уже не способны к дальнейшей семантической и словообразовательной деривации.

Приведем в качестве примера лексему *стрекоза*. Антропоморфная метафора со значением «непоседа, егоза» находится в ядре МП. Дериват *стрекозит* – «быть очень живым, непоседливым; еготить» – относится уже к приядерной зоне. Во-первых, метафори-

ческая семантика усложняется за счет развития отрицательных коннотаций, за счет расширения денотата – этим словом характеризовать не только подвижную девочку. Во-вторых, дериват зафиксирован не во всех словарях, контекстных употреблений данной метафоры мало. Предметная метафора энтомонима *стрекоза* – «вертолет» располагается уже на периферии МП как более позднее метафорическое образование, не способное порождать словообразовательные дериваты с метафорическими значениями.

Коротко обрисуем образ человека, представленный при помощи энтомологических метафор в русском и итальянском языках.

Внешние характеристики, описываемые при помощи энтомологических метафор, находятся на периферии МП энтоморфизмов. Исключением является характеристика маленького роста человека, которая находится в ядре поля в обоих языках.

В подходе Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафорический процесс состоит в трансформации полученного жизненного опыта в абстрактные схемы мышления. С этой точки зрения метафора придает форму абстрактным идеям, основывая ментальную программу, интерпретацию впечатлений и руководство к действию и [30–33]. Итак, в процессе метафоризации энтомонимов основное направление и в русском, и в итальянском языках: от внешних черт насекомого – к внутренним качествам человека. Поэтому в центре МП находятся метафоры, описывающие те или иные характеристики темперамент, поведение, отношение с социумом и т.п.

В исследуемых языках в ядре поля находятся метафоры, характеризующие человека следующим образом: маленький (*букашка, вошь, клоп, козявка, pulce* – блоха, *moscerino* – мошка); ничтожный, незначительный, всеми презираемый (*блоха, букашка, вошь, гнида, мошка, козявка, тля, червяк, pulce, moscerino*); подлый (*гнида, червь, verme* – червь, *lombrico* – дождевой червь); вызывающий отвращение, омерзение (*гнуз, bacherizzo* – жук); настойчивый, привязывающийся, бестактный (*клещ, zessa* – клещ, *mignatta* – пиявка); назойливый, надоедливый, докучливый, невыносимый (*комар, муха, zanzara* – комар, *mosca* – муха, *calabrone* – шершень, *moscone* – большая муха, *tafano* – слепень); живущий за счет других (*паразит, пиявка, parassita* – паразит, *mignatta* – пиявка); легкомысленный, непостоянный, бездумный, живущий легко и беззаботно (*мотылек, farfallone* – большая бабочка); прожорливый (*саранча, cavalletta* – саранча); ловкий, хитрый (*жук, паук*); трудолюбивый (*муравей, пчела, formica* – муравей, *ape* – пчела).

Кроме того, в ядре метафорического поля обнаруживаются также характеристики, указывающие на манеры человека и его отношения с социумом. В русском языке: иззящный,двигающийся легко и быстро (*мотылек, стрекоза*); подвижный, непоседа (*блоха, стрекоза*); бездельник, ленивый (*трутень*). В итальянском языке: болтун (*cicalone* – большая цикада); скупой (*pidocchio* – вошь); навязчивый человек, не-

сдержанный ухажер (*ronzone* – жужжащее насекомое, *moscone* – большая муха, *calabrone* – шершень); непостоянный в любви (*farfallone* – большая бабочка).

Важно отметить, что энтоморфизмы, рисующие портрет человека, не образуют оппозитивные ряды, в отличие от зооморфных метафор. Оппозитивные зооморфные номинации указывают на противоположные качества человека, выражая оппозицию «хороший – плохой» в том или ином аспекте (*орел* – благородство, *кориун* – коварство; *сорока* – болтливость, *рыба* – молчаливость). Метафоры же, образованные от ТГ энтомонимов, представляют всегда только одну сторону той или иной характеристики. Единственное исключение составляет оппозитивная пара в обоих языках: «трудолюбивый человек – человек, живущий за счет других, паразит» (*пчела – трутень*).

Подведем итоги.

1. МП зооморфизмов и энтоморфизмов находятся в отношении дополнительности (например, крупный, рослый человек – *слон, жираф, медведь* и т.п., маленький – *клоп, козявка, букашка*) и дифференциации смыслов (*работать как вол / лошадь* – отрицательные коннотации, *работать как пчелка* – положительные коннотации).

2. Проведенный анализ показал, что энтомологические метафоры русского языка располагаются на периферии зооморфного словаря. Это подтверждается тем, что русские зоонимы в целом обладают высоким словообразовательным потенциалом, о чем свидетельствует большое число глагольных дериватов, образованных от наименований животных и обладающих переносными значениями. В русском языке единицы ТГ энтомонимов практически не вовлекаются в подобный процесс. В итальянском же языке большая часть номинаций насекомых порождает многочисленные глагольные, адъективные, адverbиальные дериваты с метафорическим значением. Синтез результатов словообразовательных и семантических процессов приводит к тому, что в итальянском языке образуется разветвленная сеть энтомологических метафор, связанных не только семантически, но и формально, что свидетельствует об ином устройстве МП и, соответственно, о большей значимости данного фрагмента действительности для формирования языковой картины мира.

3. Энтомонимы обладают семантико-функциональной спецификой: 1) процесс метафоризации энтомонимов имеет двунаправленный характер; 2) они активно образуют предметные метафоры; 3) преобладающая сема, которая определяет процесс метафоризации этой ТГ – «маленький размер насекомых», и эта сема остается действенной, даже если в метафоре актуализируются другие признаки.

4. Переносные значения энтомонимов в большинстве случаев характеризуют отрицательные качества человека: назойливость, докучливость, мелочность, ничтожность, раздражительность, злобу, легкомыслие, паразитизм, обжорство, жадность и др., т.е. негативные отклонения от нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутман Е.А. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков. 1972. № 3. С. 42–59.

2. Гутман Е.А. Содержание образа «лошадь» (cheval) в русских и французских текстах // В помощь преподавателям иностранных языков. 1975. № 6. С. 56–70.
3. Гутман Е.А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М. : Наука, 1977. С. 147–165.
4. Литвин Ф.А. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка) // В помощь преподавателям иностранных языков. 1974. № 5. С. 81–93.
5. Литвин Ф.А. Предикативные характеристики в позиции обращения // Вопросы языка и литературы. Новосибирск : НГУ, 1968. С. 50–87.
6. Рыжкина О.А. Зооморфизмы со значением 'трудолюбивый' в русском и английском языках // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1978. Вып. 10. С. 68–89.
7. Рыжкина О.А. Зооморфные характеристики группы «asinus» в русском и английском языках // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. 1976. № 5. С. 42–58.
8. Рыжкина О.А. Лексико-семантическая группа зооморфизмов с общим семантическим компонентом «неловкий» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. 1978. № 7. С. 25–33.
9. Войтик Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы «наименований животных») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975. 39 с.
10. Ortony A. Metaphor and thoughts. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 678 p.
11. Pesina S., Solonchak T. The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words // International Science Conference: International Conference on Language and Technology. World Academy of Science, Engineering and Technology. International Science Index. Vol. 8, № 6, pt. XI. Venice, Italy, 2014. P. 994–999.
12. Sanz Martin B.E. Las metáforas zoomorfas desde el punto de vista cognitivo // Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura. 2015. Vol. 20, № 3. P. 361–384.
13. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 238 с.
14. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Механизмы метафоризации энтонимов в русском и итальянском языках // Рассуждения о языке и тексте: Ars philologica : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2008. С. 34–50.
15. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX веков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 261–270.
16. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
17. De Mauro T. Il grande dizionario italiano dell'uso : in 6 v. Torino : UTET, 1999–2000 (CD-ROM).
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1978.
19. Vocabolario Treccani.it. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения: 25.05.2016).
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/835810/> (дата обращения: 25.05.2016).
21. ABBYY, 2008. 100 тыс. статей // ABBYY Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390. 2008 ABBYY.
22. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html> (дата обращения: 22.06.2016).
23. Баранчеева Е.И. Метафоризация русских глаголов обработки как интерпретационный механизм (в сопоставлении с английским языком) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 237 с.
24. Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. С. 458–459.
25. Dizionario Italiano Sabatini Coletti. Firenze : Giunti Gruppo Editoriale, 2005. P. 469.
26. Складарская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 151 с.
27. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1999.
28. Мориц Ю. Это очень интересно. URL: <http://www.owl.ru/morits/det/secret15.htm/> (дата обращения: 28.05.2016).
29. Rodari G. Il libro degli errori. Torino : Einaudi, 1964. 157 p.
30. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
31. Lakoff G. More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago : University of Chicago Press, 1989. 230 p.
32. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York : Basic, 1999. 624 p.
33. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 мая 2017 г.

RUSSIAN AND ITALIAN ENTOMOLOGICAL METAPHORS IN COMPARISON WITH ZOOMORPHIC METAPHORS: THEIR DISTINCTIVE FEATURES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 45–53.

DOI: 10.17223/15617793/419/5

Veronica Mussi, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: veromussi@gmail.com

Keywords: entomological metaphors; zoomorphism; Italian language; image of world; metaphoric image of world; comparative linguistics.

The article examines the mechanisms of metaphorization of Russian and Italian names of insects in comparison with zoomorphic vocabulary of these languages. For modeling the language world picture it is important to note that the speaker refers to thematic areas or spheres of the surrounding world (plants, flowers, animals, urban space, etc.) for the interpretation of an object or a phenomenon. Entomological metaphors constitute a fragment of broader paradigms – the metaphorical field of zoomorphisms, which is one of the most popular models of metaphorical nomination. Mechanisms of formation of figuratively reinterpreted characteristics expressed by the thematic group of names of insects inherit mechanisms of metaphor creation of zoomorphisms, which detect and fix in a linguistic sign the similarity of animal and human, the resulting denotative content is associated with a particular emotive-evaluative component. In the process of semantic derivation of both Russian and Italian entomonyms there is a general zoomorphic metaphor for the mechanism of replacement of the integral seme 'animal' by the seme 'man' with preservation of the differential characteristics related to appearance, behavior, etc. of an insect and human. In the scientific literature devoted to the study of metaphor, entomological metaphor was considered along with other zoomorphisms, usually remaining on the periphery of research attention (with the exception of the most common metaphors of the type *an ant*, *a dragonfly*, *a bug*). The aim of this article is to establish the relationship between the metaphorical fields of zoomorphisms and "entomorphisms", to determine the characteristics that are expressed through entomological metaphor, to reveal the functional specificity of entomological metaphors in the interpretation of reality by the speaker. To reach the aim the author uses the following methods: definitional, componential, contextual and cognitive analyses, the method of field structuring and modeling, comparative methods of analysis of lexical systems of different languages. Data received as a result of semasiological discourse analysis are interpreted in a cognitive way. The author obtained the following

results: it was found that these two metaphorical fields are in a relationship of complementarity and differentiation of meanings; the following aspects of semantic and functional specificity of entomological metaphors are identified: 1) metaphorization of the names of insects is bidirectional in nature; 2) subject metaphors are actively formed; 3) they are designed to characterize a small, insignificant person. The allocation of entomological metaphors in the off-center position in the metaphorical field of zoomorphisms and, therefore, their nonentity in the Russian language picture of the world is the main conclusion of the study.

REFERENCES

- Gutman, E.A. (1972) Zoomorfizmy v sovremennom frantsuzikom yazyke v sopostavlenii s russkim [Zoomorphisms in the modern French language in comparison with Russian]. *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov*. 3. pp. 42–59.
- Gutman, E.A. (1975) Soderzhanie obraza “loshad” (cheval) v russkikh i frantsuzskikh tekstakh [Content of the image of “horse” (cheval) in Russian and French texts]. *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov*. 6. pp. 56–70.
- Gutman, E.A. (1977) Sopostavitel'nyy analiz zoomorfnykh kharakteristik (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) [Comparative analysis of zoomorphic characteristics (on the material of Russian, English and French languages)]. In: Leont'ev, A.A. et al. (eds) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National-cultural specificity of speech behavior]. Moscow: Nauka.
- Litvin, F.A. (1974) Ob izuchenii raznovidnostey zoomorfnykh kharakteristik (na materiale angliyskogo yazyka) [On the study of varieties of zoomorphic characteristics (on the material of the English language)]. *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov*. 5. pp. 81–93.
- Litvin, F.A. (1968) Predikativnye kharakteristiki v pozitsii obrashcheniya [Predicative characteristics in the position of address]. In: Timofeev, K.A. (ed.) *Voprosy yazyka i literatury* [Issues of language and literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Ryzhkina, O.A. (1978) Zoomorfizmy so znacheniem ‘trudolyubivyy’ v russkom i angliyskom yazykakh [Zoomorphisms with meaning ‘hardworking’ in Russian and English languages]. *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov*. 10. pp. 68–89.
- Ryzhkina, O.A. (1976) Zoomorfnye kharakteristiki gruppy “asinus” v russkom i angliyskom yazykakh [Zoomorphic characteristics of the “asinus” group in Russian and English languages]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. 5. pp. 42–58.
- Ryzhkina, O.A. (1978) Leksiko-semanticheskaya gruppy zoomorfizmov s obshchim semanticheskim komponentom “nelovkiy” [Lexico-semantic group of zoomorphisms with a common semantic component “awkward”]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. 7. pp. 25–33.
- Voytik, L.S. (1975) *K voprosu o smyslovoy strukture slova (na materiale leksiko-semanticheskoy gruppy “naimenovaniy zhivotnykh”)* [On the semantic structure of the word (on the material of the lexical semantic group “animal names”)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Alma-Ata.
- Ortony, A. (1979) *Metaphor and thoughts*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pesina, S. & Solonchak, T. (2014) The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words. International Science Conference: *International Conference on Language and Technology*. World Academy of Science, Engineering and Technology. International Science Index. Vol. 8:6. Part XI. Venice, Italy. pp. 994–999.
- Sanz, M.B.E. (2015) Las metáforas zoomorfas desde el punto de vista cognitivo [The zoomorphic metaphors from the cognitive point of view]. *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura*. 20:3. pp. 361–384.
- Putsileva, L.F. (2009) *Kul'turno determinovannyye konnotatsii russkikh zoonimov i fitonimov (na fone ital'yanskogo yazyka)* [Culturally determined connotations of Russian zoonyms and phytonyms (against the background of the Italian language)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
- Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2008) Mekhanizmy metaforizatsii entomonimov v russkom i ital'yanskom yazykakh [Mechanisms of metaphorization of entomonyms in Russian and Italian languages]. In: Targonskaya, E.P. (ed.) *Rassuzhdeniya o yazyke i tekste: Ars philologica* [Arguments on language and text: Ars philologica]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2009) Natsional'no-kul'turnyy komponent v semantike naimenovaniy nasekomykh v russkom i ital'yanskom yazykakh [National-cultural component in the semantics of insect names in Russian and Italian languages]. In: Lebedeva, O.B. & Mednis, N.E. (eds) *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti XVIII–XX vekov* [Images of Italy in Russian literature of the 18th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow: CheRo.
- De Mauro, T. (1999–2000) *Il grande dizionario italiano dell'uso: in 6 v.* [The great Italian dictionary of use: in 6 vols]. Torino: UTET. (CD-ROM).
- Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1978) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
- Vocabolario Treccani.it. [Online] Available from: <http://www.treccani.it/vocabolario/>. (Accessed: 25.05.2016).
- Ushakov, D.N. (n.d.) *Tolkovyy slovar'* [Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/835810/>. (Accessed: 25.05.2016).
- ABBY Lingvo. (2008) *ABBY Lingvo. Elektronnyy slovar'*. Vyp.: 14.0.0.390 [ABBY Lingvo. Electronic dictionary. Is: 14.0.0.390]. ABBYY.
- The National Corpus of the Russian language. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>. (Accessed: 22.06.2016). (In Russian).
- Barancheva, E.I. (2007) *Metaforizatsiya russkikh glagolov obrabotki kak interpretatsionnyy mekhanizm (v sopostavlenii s angliyskim yazykom)* [Metaphorization of Russian verbs of processing as an interpretational mechanism (in comparison with English)]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
- Novikov, L.A. (1997) Semanticheskoe pole [Semantic field]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa.
- Sabatini, F. & Coletti, V. (2005) *Dizionario Italiano* [Italian Dictionary]. Firenze: Giunti Gruppo Editoriale.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of language]. St. Petersburg: Nauka.
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.
- Morits, Yu. (n.d.) *Eto ochen' interesno* [This is very interesting]. [Online] Available from: <http://www.owl.ru/morits/det/secret15.htm>. (Accessed: 28.05.2016).
- Rodari, G. (1964) *Il libro degli errori* [The book of errors]. Torino: Einaudi.
- Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. (1989) *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. (1999) *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic.
- Lakoff, G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 04 May 2017